

НАТОМИЯ МИФА

ВСЕ ТАЙНЫ
ТЕКСТОВ
ВЕЛИКОГО
ПИСАТЕЛЯ!

СЭЛИНДЖЕР

ДАНЬ ЖЕСТОКОМУ БОГУ

Елизавета Михайловна Бута
Сэлинджер. Дань
жестокому Богу
Серия «Анатомия мифа»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8954258

*Елизавета Бута. Сэлинджер. Дань жестокому Богу: Алгоритм;
Москва; 2014*

ISBN 978-5-4438-0905-2

Аннотация

Роман Джерома Сэлинджера «Над пропастью во ржи» впервые был опубликован в 1951 году – и с тех пор остается одновременно одним из самых читаемых и самых запрещаемых произведений мировой литературы. И одних из самых загадочных. В нем искали – и находили – призывы к насилию, чрезмерную жестокость, развращенность и прочие признаки «растлевания молодежи». Никого не волновало то, что хотел сказать автор. Все старались найти скрытые смыслы и тайные послания самого Текста. Через 15 лет, 19 июня 1965 года, было опубликовано последнее произведение Сэлинджера «Хэпворт 16, 1924». После чего Сэлинджер, устав от нападков прессы, на многие десятилетия ушел в тень. Он больше не давал интервью и не публиковался. Возможно, именно в этой повести Сэлинджер дал ответы и на

те вопросы, которые он сам задавал себе и своим читателям, и на те, которые ему задавали критики. Возможно, этой повестью Сэлинджер закончил главный поиск своей жизни – поиск Бога, – поэтому больше ничего и никогда не писал. В книге, которую вы держите в руках, известный филолог, специалист по творчеству Сэлинджера Ирина Галинская раскроет все загадки его текстов. Историк религии Борис Фаликов проведет параллели между жизнью и творчеством писателя. Писательница Юлия Беломлинская расскажет о своем опыте чтения Сэлинджера. Писатель и религиозный деятель Борис Кутузов поведает о христианских аспектах творчества писателя, расскажет о том, каков же он, Бог Сэлинджера...

Содержание

Вместо предисловия	6
«Ради толстой тети». Духовные поиски Дж. Д. Сэлинджера (Борис Фаликов)	34
Буддист из «Монреаль канадиенс»	36
Жертва культов	39
Жребий домохозяина	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Елизавета Бута Сэлинджер. Дань жестокому Богу

© ООО «Издательство «Алгоритм», 2014

*** * ***

Вместо предисловия

Земля Сэлинджера. Опыт чтения

...Тебе, мой будущий Земляк...
Эмили Дикинсон

*Буддиста Джона Леннона застрелил человек с
книжкой буддиста Джерома Сэлинджера.
Случайность?*

Я получила Сэлинджера от собственной мамы.
Мне было четырнадцать.

На два года меньше, чем герою его замечательной книги «Над пропастью во ржи». Именно так перевела переводчица Рита Райт. Перевела неточно, но гениально. «Над пропастью во ржи» – звучит сильнее, чем настоящее название книги «Ловец во ржи».

На обложке была черно-белая репродукция: фрагмент картины американского художника Эндрю Уайта, странный, мальчик, остриженный под гребенку.

В мальчика нельзя было не влюбиться. Он был настоящий Холден Колфилд.

Я нырнула в эту книгу, и сразу открыла новую страну.
С тех пор «Земля Сэлинджера» – одно из моих постоянных мест пребывания.

Вокруг меня многие ребята постарше часто навещали эту землю.

Сэлинджер – один из кумиров тогдашней продвинутой молодежи.

Он идеально попадал на наше тогдашнее безвременье.

На наше чувство духоты и нужду в форточках, на наше желание бунта. Сэлинджер был одной их форточек. Из форточки дуло...

Бунтом, анархией, непоняткой... это для активных, для хулиганов.

А для пассивных, предпочитающих уход в себя, веяло мягким бризом дзен-буддизма.

В общем, он подходил всем.

В той первой книге была повесть и несколько рассказов.

В повести «Над пропастью во ржи» автор, которого мы соединили с героем – был мальчик, школьник, из частной закрытой школы, из богатой семьи.

А в рассказах появлялась война.

Какая-то непонятная, война, не вполне ясно, кого с кем.

Непохожая на телевизор... помню, что сержант кашлял.

Потом он получил отпуск, и опять никакой войны – Нью-Йорк, свадьба...

И все время, и в повести и в рассказах – отчуждение героя, непонимание.

Потом была еще тоненькая книжечка из «Библиотечки «Огонька»».

И там был рассказ «Дорогой Эсмэ с любовью и всякой мерзостью». Главным в рассказе опять была тема девочки. Дети, особенно девочки, у Сэлинджера – это такие ангелы, помогающие затравленному обывателями герою.

Для меня его герои были проигравшими.

Примером «как не надо». Убивающий себя Симур Гласс.

Или жуткий мальчик-вундеркинд из дзеновского рассказа Томми.

Который объясняет журналисту, что вот он сейчас, вероятно, умрет, и ему это даже интересно, а насчет мамы-папы... нет, их не жалко. Потому что они не понимают, как все это тут – понарошку...

Это «понарошку» мне совсем не подходило. И родителей Томми жалко, и мещанскую жену Симора. И еще я, с детства учась быть художником, обиделась за главного художника вселенной, раскрасившего мир, по своему усмотрению.

Мне не понравилась телега про По Ло, спутавшего серую кобылу с вороним жеребцом, потому что он глядел «в суть лошади».

Я подумала, что если важна была только суть – все лошади были бы серыми.

Сэлинджер был моей любовью. Но даже и в четырнадцать лет я догадалась, что он скорее Младший Брат, нежели Учи-

тель.

Потом пришла пора Сэлинджера и для моей дочери. Ей было тринадцать, и она жила в стране, где Сэлинджер введен в школьную программу.

Но моя Полина прочла «Над пропастью во ржи» сперва по-русски. Ту самую, полученную мною от мамы.

С мальчиком на обложке. И мы с ней обсуждали эту книгу.

Мы уже знали, что Сэлинджер давно живет отшельником, скрывшись от людей, никого не хочет видеть.

И тогда я впервые сформулировала именно для дочки, что Сэлинджер в роли гуру может быть реально опасен.

Буддиста Джона Леннона застрелил человек с книжкой буддиста Джерома Сэлинджера в кармане.

И это не случайность.

Я тогда, предостерегая дочь, заметила у Сэлинджера еще одно: неприятие телесной любви.

Тот самый средневековый культ женщины – как Марии Непорочной. Девы. Девочки.

Нет, не Лолиты. Антилолиты. Алисы. Автор «Алисы» Льюис Кэррол – это «антигумберт». Это же можно сказать и о Сэлинджере.

Девочку предпочитают женщине не для того, чтобы с ней, с ребенком, войти в интимную связь. Не из худших низменных побуждений.

Нет, именно из лучших, высоких. Именно для того, чтобы можно было не входить вот в этот горячий и страстный мир «тела».

Девочка или монашка. В «Голубом периоде де Домье Смита» герой влюбляется в неизвестную ему монахиню сестру Ирму.

Я мало что знала тогда о Сэлинджере.

Но достаточно чтобы объяснить Полине, что он хочет любить, он понимает, что надо любить, но он не умеет, не может любить. По какой-то неведомой причине этот человек – инвалид, душевнобольной.

Это не мешает ему быть гением, но Земля Сэлинджера – удивительная, прекрасная – непригодна для жилья. В ней не построишь дом. Земля эта ползет как зыбучий песок. И дом, построенный на ней, непременно рухнет.

И вот предо мной лежит выпущенная «Лимбусом» книга – голос из рухнувшего дома.

«Камелот» – так называет дом, построенный отцом, Маргарет Сэлинджер, дочь писателя, автор мемуарной книги «Над пропастью во сне».

Книга Маргарет Сэлинджер – толстенная. Скандальная. Я ее принесла читать своей маме – круг замкнулся.

Но маме она не понравилась. Не понравилась сама Маргарет.

Занятая собой и своими проблемами.

Я не согласна. В этой толстой книге оказалось достаточно места для всего: и для внутренних «раскопок» самой Маргарет, сделанных в фирменном стиле жертвы великого учения дедушки Фрейда, завсегдатая кушетки психоаналитика, и для панорамы американской жизни 60-х и 70-х, старательно нарисованной женским пером, внимательным и многое замечающим.

И для совершенно честного изложения биографии Джерома Ди. Сэлинджера, для кусочка интереснейших мемуаров именно о нем.

В результате я к Маргарет Сэлинджер отношусь хорошо. И я благодарна ей за эту книгу.

И благодарна людям, подарившим ее русскоязычному читателю.

Эта книга – еще одно путешествие по зыбучим пескам Земли Сэлинджера.

Маргарет пишет, что всю жизнь главным для ее отца был поиск Своих.

«Ландсман» – это слово на идиш и по-немецки значит «человек из твоей страны».

А по-нашему – земляк, земля, землячок.

Землячок – это важно. Он тот, кто всегда тебя поймет.

«Парень из моего двора». С моей улицы. Из моей деревни. Из моего квартала.

Тут и Окуджава со своими «арбатством, растворенным в

крови».

Тут и Евтушенко – вечный стрелочник со станции «Зима».

Тут наши «деревенщики» с их деревней.

Тут и другой американский классик Уильям Сароян – так никогда и не порвавший свою армянскую пуповину.

Или Брэдбери с его скромной, но бесконечной любовью к «земляничному окошку», на веранде викторианского старого дома в маленьком Городке.

И вот наш герой Джером Ди. Сэлинджер.

Кто он? Родом из какой земли? Где его «земели»?

Отец – немецкий еврей. Не из раввинов. Не из скрипачей, не из психоаналитиков.

Из лавочников. Из колбасников.

Успешная торговля мясом привела его в результате не куда-нибудь, а в Нью-Йорк – город на Парк Авеню. В место компактного проживания богатой белой протестантской Америки.

Если бы хотя бы в Бруклин. В привычную еврейскую среду. В смешанную среду. В эмигрантскую.

Но когда есть деньги снять квартиру на Парк Авеню – снимаешь ее на Парк Авеню. В районе, куда поселилась семья, цветных не было вообще.

А евреев почти не было.

Но если есть деньги отправить сына в дорогую школу –

отправляешь его, например, в среднюю школу Макберни – «частное учебное заведение, принадлежащее к ассоциации молодых христиан».

При этом Сэлинджеры – не семья евреев-ассимилянтов, принявших христианство.

На следующий год после поступления в эту школу Сэлинджер проходит «бармицву» – торжественное тринадцатилетие по иудейскому обряду.

А еще через год мальчик впервые узнает о том, что его мать не является этнической еврейкой, что она – ирландка, принявшая иудаизм ради брака с его отцом. То есть он – полуирландец.

Быть ирландцем или итальянцем в тогдашнем Нью-Йорке было немного лучше, чем евреем или, не дай бог, негром. Но все равно для Парк Авеню это был «второй сорт».

В любом случае, к четырнадцати годам голова подростка Сэлинджера уже до предела заморочена всей этой ситуацией.

Вопросы: «Кто я?» и «Где они, мои земляки?» приходят в эту голову – и уходят, оставшись без ответа.

И все это происходит на фоне предвоенной Америки тридцатых.

Америки – полного расцвета всех видов расизма.

Люди, хоть немного знакомые с историей этой страны, знают, что перелом в отношениях белых и черных, а также в отношении к евреям, произошел именно во время войны, а точнее – там, на войне.

Именно вернувшийся домой солдат, побывавший в рукопашном бою, уже не мог принять отдельные места в автобусе.

– Этот черный парень рядом со мной бежал в атаку – умирать. Почему же ему нельзя теперь сидеть рядом со мной в автобусе?

Именно после войны белые американцы впервые активно начали поддерживать черных в борьбе за равные права.

На отношение к евреям, конечно же, больше всего повлиял фашистский вариант «решения вопроса». Но и совместный пуд соли, съеденный на войне, тоже сыграл свою роль.

Но все это случилось позже.

А тогда, в тридцатые, отец Сэлинджера поселил семью в районе, где найти землячка такому, как Джером Ди., было просто нереально.

Он – красавец-парень, высокого роста и с белозубой, вполне голливудской улыбкой, тем не менее, ощущал себя изгоем. Чужаком.

У Сэлинджера, несмотря на ирландскую половинку, вполне жгучая семитская внешность. И нос – как положено жертве «еврейского вопроса».

Итак, Сэлинджер проводит свое отрочество в эпицентре чванливой, антисемитски настроенной белой нью-йоркской знати. То есть, лезет со свиным своим рылом в тамошний калашный ряд.

При этом родители мечтают о поступлении его в один из университетов «Айви Лиг» (Лиги Плюща).

В хороших американских университетах в ту пору существовала процентная норма. Точно такая же, как в царской России, и впоследствии, в нашем Советском Союзе.

Такая норма, безусловно, противоречила американской конституции, и с ней пытались бороться. Но существовало множество обходных путей.

В результате, молодой человек, все-таки попавший вот в эти разрешенные «три процента», конечно же, чувствовал себя в таком вот «восповском» университете белой вороной. И ни о каких земляках речи не могло быть.

Сэлинджер возненавидел этот мир – мир Парк Авеню и «плюшевых» университетов. А до этого – мир английских частных школ закрытого типа.

В конце десятого класса пятнадцатилетний Джером Ди. переходит в «Вэлли Фордж», военную школу штата Пенсильвания.

Эта чисто белая закрытая школа была очередной попыткой мальчика интегрироваться в среду англо-саксонского «коренного населения».

И именно эта школа стала частичным прообразом школы «Пенси» в «Над пропастью во ржи». В повесть перекочевали проблемы, с которыми именно там пришлось столкнуться юному Сэлинджеру.

По окончании «Вэлли Фордж» Сэлинджер поступает в Нью-Йоркский университет.

Но после первого курса неожиданно уходит оттуда и устраивается массовиком-затейником на круизный корабль.

Вернувшись, он, несмотря на всю свою неприязнь к Лиге Плюща, записывается на писательский семинар в «плюшесвом» Колумбийском Университете.

Он уже принял решение стать писателем, и такой семинар считает необходимым.

И в это время происходит первая публикация: рассказ «Подростки» выходит в нью-йоркском журнале «Стори».

Именно этот рассказ оказался и первой публикацией Сэлинджера в России.

В самом начале шестидесятых он был напечатан в прогрессивном журнале «Сельская молодежь». Да, в короткую хрущевскую пору эта самая «Сельская молодежь», наравне с «Юностью», была одной из распахнувшихся форточек в мир зарубежной литературы.

Дальше Сэлинджера начинают печатать: у него берет рассказ «Нью-Йоркер» и еще пара известных журналов.

Ранние рассказы Сэлинджера – все о том же снобизме, о непонимании, об одиночестве, о человеке, которому трудно вписаться в окружающую среду.

И конечно же, о хорошеньких женщинах, которые попались на пути этого одинокого и непонятого человека.

Мы не знаем, каким бы он стал, если бы так и остался там, на Парк Авеню, в уютных аудиториях Колумбийского. Наверное, стал бы Успешным Молодым Писателем. Наверное, он нашел бы «своих» в среде прочих Успешных Молодых, поблескивающих очками...

Но тут его, по меткому выражению Марины Цветаевой, «схватила за волосы судьба». Мы хорошо знаем эту Судьбу, схватившую многих, костлявую с косой... челкой и щеточкой усов. С каркающим голосом и романтическим именем Адольф.

Весной 1942 года Сэлинджера призвали в армию.
Джером Ди. загремел на Вторую мировую войну.
И загремел «не по-детски».

Двадцатилетнего рядового Джерома Ди. Сэлинджера сунули носом в самое пекло.

Прямо в эпицентр Ада.

Как выглядит эпицентр Ада – узнать легко. Но не из дантовой комедии.

Для начала из простой песенки на стихи Редьярда Киплинга, ее сочинили в наши шестидесятые наши барды:

«Я был в аду сорок дней, и я клянусь,
Там нет, ни жаровен, ни чертей,
А только пыль, пыль, пыль от шагающих сапог,
И отпуска нет на войне...»

Пешим маршем Сэлинджер пошел пол Европы.
Осенью, зимой, весной.

Шел, утопая в снегу, или в хлюпающей грязи – в ботинках.
Но это только ворота Ада – пеший марш.

А про настоящий Ад лучше узнать из любого описания
рукопашного боя, высадки морского десанта...

Из мемуаров штаб-сержанта Сэлинджера, вернее, из военных рассказов Джерома Ди. Сэлинджера, давно уж переведенных и изданных у нас.

Итак, рядовой Сэлинджер, двадцати трех лет. Под номером 32325299...

Он заканчивает курсы и становится связистом.

Потом подает прошение в школу военных переводчиков и контрразведчиков. Дальше его посылают в Англию, где он проходит специальную подготовку агента контрразведки, перед решающим «Днем Высадки» союзных войск.

Об этом времени – рассказ «Дорогой Эсме...», его герой сержант Икс – это и есть сам автор.

Саму «Высадку» Сэлинджер описывает в других своих военных рассказах.

Американский штаб-сержант Сэлинджер высадился на гостеприимный европейский берег в июле 44-го, в составе Четвертой дивизии Двенадцатого Пехотного Полка.

Воевал почти год, до самого 9-го мая 45-го.

Ему повезло выжить.

Только за первый месяц боев Двенадцатый Пехотный потерял 76 % офицеров и 63 % рядовых.

Эти цифры говорят о том, какая война досталась Сэлинджеру.

В пехоте. В рукопашном бою.

Маргарет Сэлинджер пишет: «...Двенадцатый пехотный только что вышел из рукопашной, освободив город Шербур...»

К августу 44-го потери Двенадцатого Пехотного были уже 125 % от первоначального состава.

В конце августа Двенадцатый Пехотный вошел в Париж.

Там, в Париже штаб-сержант Сэлинджер знакомится с Эрнестом Хемингуэем.

«Папа Хэм» был в ту пору военкором и жил в отеле Риц, Сэлинджер пришел туда и показал мэтру один из своих военных рассказов.

Дальше Двенадцатый Пехотный идет через Францию и Бельгию в Германию.

«Идет» – то есть проходит с боями, отвоевывая кровью шаг за шагом.

Нас этим не удивишь. Мы, насмотревшись в детстве телевизора, хорошо себе представляем, как во время войны идет пехота. Но я сейчас не о нас.

Дальше наступает осень, а за ней зима, к которой Двенадцатый Пехотный оказывается совершенно неподготовлен. За месяц боев в Гюртгенском лесу гибнет полторы тысячи человек, но примерно столько же просто замерзает в окопах, полных ледяной воды – без зимней обуви, без теплых шинелей, без одеял... и это – конец сорок четвертого.

Маргарет Сэлинджер цитирует слова из благодарности? Главного Штаба в адрес Двенадцатого Пехотного: «непредвиденные в такое время года осадки...».

Время года – декабрь.

Маргарет Сэлинджер пишет, что основное бремя войны легло «не на плечи храбрых пехотинцев, как отмечено в благодарности, а на их ноги».

Кожаные ботинки. Те же самые ботинки, будь они неладны, которые мы встречаем у русского солдата, артиллериста Булата Окуджавы в повести «Будь здоров, школяр». Но там на дворе 41-й год.

А для Двенадцатого Пехотного уже наступает сорок пятый.

В эту зиму, в окопах с ледяной водой, сержант Сэлинджер пишет стихи.

И посылает их в отдел поэзии журнала «Нью-Йоркер».

В первый день 1945-го Сэлинджеру исполняется двадцать шесть лет.

А полк продолжает идти из боя в бой.

В апреле их бросают на «зачистку».

Тут возникает множество военнопленных, и в обязанность сержанта Сэлинджера входит их допрашивать и решать их дальнейшую судьбу.

Последнее сражение Двенадцатого Пехотного произошло 2 мая...

А дальше выживший Сэлинджер попадает в госпиталь с интересным диагнозом:

«боевое переутомление». Звучит вполне политкорректно.

Но в переводе на человеческий язык означает «поехал крышей и загремел в дурку». Его собираются мобилизовать. Но Сэлинджер рвется обратно в строй, и в результате его выписывают.

Судя по рассказу «Дорогой Эсме...», все в том же «переутомленном» состоянии.

В рассказе сержант Икс получает от случайной английской знакомой, маленькой девочки Эсме, трогательное, забавно-вежливое письмо, в котором девочка желает ему «поскорее обрести способность функционировать нормально».

Дальше Сэлинджер замечает: «Молодой человек был одним из тех, кто, пройдя через войну, не сохранил «способности функционировать нормально»».

Так же, как герой рассказа сержант Икс, сержант Сэлинджер подписывает контракт еще на шесть месяцев гражданской службы. Это служба – работа с предателями и военны-

ми преступниками.

Сэлинджер работает как агент американской контрразведки.

Он допрашивает людей, подозреваемых в сочувствии нацистам, и выносит им приговоры.

По долгу службы он слушает свидетельства. Он видит фотографии.

Все мы примерно представляем себе, чего навидался и наслушался молодой Сэлинджер.

Примерно. По хронике. По фильму Ромма «Обыкновенный фашизм».

По, в общем-то, одним и тем же кадрам. Одним и тем же фотографиям.

По кадрам и фотографиям, которые специальная комиссия психиатров сочла возможным «допустить до рядового зрителя».

Такая комиссия работа на фильме «Обыкновенный фашизм». Просмотрела огромное количество материала. И сочла возможным к допуску одну десятую часть.

Про остальное психиатры вынесли решение: «Людям это видеть нельзя».

То бишь – «У людей съедет крыша».

Джером Ди. Сэлинджер по долгу службы все это, неразрешенное к допуску, видит.

Видит уже после того, как побывал в дурке по причине переутомления своей бедной головы.

После того, как он из этой дурки, не долечившись, вышел. И все это приводит к тому, что он из дурки так и не вышел. Сэлинджер вернулся со Второй мировой войны человеком слегка свихнувшимся.

Человеком, остро нуждающимся в психиатрической помощи, в психологической реабилитации.

И это ясно видно всем, окружающим его.

А вот дальше начинается вторая часть этой драмы.

Частично описанная самим Сэлинджером.

Его герои, вернувшиеся с войны, выжившие в Аду...

Они не похожи на героев, например, Уильяма Сарояна.

Те возвращаются в свои маленькие городки, к простым людям, которые способны к сопереживанию, и для которых каждый вернувшийся солдатик – герой. Маленький Герой вот этого маленького Городка.

Но герои Сэлинджера возвращаются в мир преуспевающего Большого Нью-Йорка. В мир, где, в сущности, не было войны. Где ее не заметили.

В мир, где окружающим конечно, ясно, что вот этот парень – псих, а чего он псих, с чего он псих – в общем, непонятно.

И где он был, что делал последние пару лет – тоже не совсем ясно.

Ну да, солдаты, герои, доблестная Победа нашего амери-

канского коллективного Витязя, над каким-то там заокеанским коллективным Змеем Горынычем.

История случилась хоть и недавно, но где-то там, в Тридевятом Царстве.

Стало быть, она – сказочная. И герой должен быть нормальный сказочный: Храбрый Витязь.

А тут почему-то псих.

Догадаться о том, что происходит с Сэлинджером в первые послевоенные годы можно, читая его рассказы.

Героев Сэлинджера тащат к психоаналитикам, обвиняют в неадекватности.

Эта тема – основной конфликт серии рассказов о семье Глассов.

В результате, его любимый герой Симур Гласс кончает жизнь самоубийством.

Он стреляет в себя, доведенный до отчаянья непониманием, неприятием, невозможностью интегрироваться в мирное послевоенное общество.

И в общем, я его понимаю.

Понимаю его нежелание идти к психоаналитику. Потому что человека, прошедшего Ад, вряд ли сможет понять человек, Ада не нюхавший.

И именно поэтому в психиатрии существует такое понятие как «Группы поддержки».

«Группа поддержки» объединяет людей с одинаковой психологической проблемой для общей групповой психоте-

рапии.

Этот метод сравнительно молодой. И в Америке он появился в послевоенные годы, а к нам в Россию пришел и во все недавно.

Но, тем не менее, я могу с уверенностью сказать, что у всех русских солдат, вернувшихся с войны, эта самая «группа поддержки» была.

И не только у солдат. Она была и у женщин, выдержавших на себе тыл.

И у тех, кто пережил плен. И у тех, кто был под оккупацией.

Все послевоенные годы у нас в стране бесконечно писали и говорили об этой Войне. Фильмы, посвященные Войне, без конца шли в кинотеатрах, а с появлением телевидения не сходили с «голубых экранов».

По несколько раз в день каждому жителю Советской России напоминали о том, что «У нас была Война. Тяжкая Война. Наши мужчины умирали на поле боя. Наши женщины сгибались под тяжестью непосильного тылового труда. Наши эшелоны с эвакуированными бомбили. наших людей гнали в концлагеря. Наши танкисты горели в танках...».

Нас постоянно ежедневно заставляли вновь и вновь заглядывать туда, в Ад. Чтобы мы не забывали о том, что это было. И каждый день вот эта небольшая «экскурсия в Ад» кончалась одним и тем же оптимистическим выводом: «Весь этот наш совместный четырехлетний военно-тыловой

Ад кончился Победой. Значит, мы прошли его не зря».

Трудно представить себе более удачный вариант «группы поддержки».

В течение долгих лет вот этой самой «группой поддержки» была вся страна.

И звучало бесконечное «мы». Именно Война была для жителей Советской России главной святыней и главным обедняющим.

Ничего похожего вернувшийся в Нью-Йорк Сэлинджер не встретил.

Ветеранские «группы поддержки» возникли в Америке позднее, во время Вьетнамской войны. Вот эта война – война спорная, расколовшая общество на две части, она была Америкой активно замечена.

И можно сказать, что по вьетнамской войне в «группе поддержки» участвует вся страна.

Но Вторая Мировая, при всей ее ясности именно с нравственной точки зрения для американцев – нечто неясное, туманное, размытое в учебниках истории.

Не следует забывать, что для нас эта война закончилась знаменем над Рейхстагом, а для Америки – атомным грибом над Хиросимой.

И как раз с нравственной точки зрения этот гриб – совсем нехорошая история.

Я думаю, что именно этот гриб заволок туманом Вторую

Мировую для Америки.

В учебниках истории у Америки вышла своя война, и в основном, с Японией.

Но сержант Сэлинджер из Двенадцатого Пехотного провоевал год на нашей войне. В Европе, в окопе. В пехоте, в грязи, в крови.

Америка и Россия напоминают мне двух мальчиков, которые борются за лидерство во дворе. Борются хитро, каждый старается перетянуть на свою сторону побольше мальчишек. Собирает себе «войско».

При этом они все время оскорбляют и всячески дискредитируют друг друга.

Но при появлении настоящей шпаны, как ни странно, эти враждующие лидеры объединяются.

Вот сейчас снова заговорили о Холодной Войне.

Об Американской Угрозе.

Насколько я понимаю, разговоры о русско-американской войне идут уже сто лет. То затухают, то вспыхивают.

И угольки в этот костер радостно кидают с обеих сторон.

И с обеих сторон почему-то не хотят вспоминать тот простой факт, что за все это время русский солдат встречался с американским лишь единожды.

И встречались они на Эльбе. Там они крепко обнялись, и кадры хроники запечатлели для нас это объятие.

Но политикам все это не нужно и неинтересно.

Поэтому Холодная Война по окончании Второй Мировой

вспыхнула с новой силой.

Кто-то невидимый как будто перевел рычаг, и вся история Второй Мировой для Америки сосредоточилась на противостоянии с Японией. Перл Харбор заслонил собой и Эльбу, и Гюртгенский лес, и Двенадцатый Пехотный полк.

Вернувшийся с войны сержант Сэлинджер вновь не нашел «землячков».

На войне они были. Но на Парк Авеню он вернулся один. Вокруг него был мир совершенно чужой и совершенно равнодушный к тому, что он пережил.

Америка, как известно, расцвела и разбогатела на этой войне. Его опыт, опыт выживания в Аду был не нужен и неуместен в американском послевоенном Раю.

Итак, человек с поехавшей крышей, псих, нуждающийся в реабилитации и не имеющий «группы поддержки».

Вот она, история Сэлинджера.

Дальше ему остается только повторить поступок Симора Гласса и уйти из этой жизни, от людей, которые его не понимают.

И Сэлинджер уходит. Не из жизни, но от людей.

Вся его дальнейшая очень долгая жизнь – это все более и более глубокое погружение в чашу.

В лес, в пустыню, в глушь – все дальше и дальше...

Поначалу он все еще надеется найти себе «землячка».

Сэлинджер женится на самой хорошенькой девушке, которая попадаетеся ему на глаза. Как всегда в таком случае, он уверен, что женится по любви.

Дальше он тащит эту голубку в чащу леса. В старый пустой дом, без горячей воды и отопления.

И там заводится аж двое детей. Вот тех самых, о которых мечтает Холден Колдфилд.

Завести детей и ловить их над пропастью во ржи.

Да, красивая картинка: дети играют, бегают во ржи, над пропастью. А его работа их ловить, чтобы они не срывались в пропасть.

Но ведь пока он ловит одного, там может в это время сорваться другой!

А не проще ли там поставить какой-нибудь забор?

Или вообще отвезти этих детей играть в другое место?

Первая жена, Клэр Дуглас, прелестная бабочка, пойманная Сэлинджером в сачок и перенесенная им все с той же Парк Авеню в глухой лес Вермонта, не сдюжила предложенную им жизнь, с двумя детьми и без горячей воды. Семья развалилась.

И дальше Сэлинджер начинает жить в своем лесу один.

Поиски «землячков» продолжаются.

Маргарет Сэлинджер пишет том, что еще при их совместной жизни он успел нырнуть во все возможные культы, верования и разного рода «измы».

Дзен-буддизм, Веданта, Крийя-йога, «христианская нау-

ка», сайентология, гомеопатия, иглоукалывание, макробиотика... это все семья прошла еще до развода.

В какой-то момент Сэлинджеру, немало хлебнувшему от антисемитизма, пришлось впервые столкнуться с расизмом ортодоксального еврейства. Именно тогда, когда, кочуя по разного рода «измам», он доверчиво потянулся к родному иудаизму, пытаясь найти «земляка» в среде ортодоксальных раввинов. Там его быстро отшили, поинтересовавшись девичьей фамилией матери.

В какой-то момент, через восемь лет после развода с Клэр Дуглас, в его жизни появляется еще одна женщина. Похожая на тринадцатилетнюю девочку, восемнадцатилетняя студентка литературной программы Йельского университета Джойс Мейнард. Сэлинджеру в ту пору – пятьдесят четыре. Она выдерживает рядом с ним совсем недолго.

И дальше, еще через двадцать одиноких лет, семидесятилетний Сэлинджер находит следующую любовь: молодую медсестру Колин.

Эта женщина до сих пор с ним. Сэлинджер, так же, как и другой американский классик – Брэдбери, по-прежнему жив и здоров, да продлит Господь его дни.

Разница у него с нынешней женой в пятьдесят лет.

Я думаю что женщины, готовые разделять одиночество очередного «великого отшельника», находятся везде и всегда.

Но, скорее всего, Сэлинджер вышел из Второй Мировой

с еще одной проблемой.

Его странная в молодые годы неприязнь к телесной стороне любви – это, наверное, следствие все той же неизлечимой душевной травмы.

В современном мире уже всякий знает, что почти все причины физической мужской слабости находятся в области психологии и душевного состояния.

Сэлинджер чисто внешне – персонаж вполне голливудский: эдакий высокий красавец, вроде молодого Роберта де Ниро.

И конечно, несоответствие вот этой «суперменской» внешности внутреннему «боевому переутомлению» оказалось шоком для его молодой жены Клэр.

И вероятно, для второй жены Джойс тоже.

Я думаю, что эта ранняя «переутомленность» явилась для Сэлинджера еще одной болевой точкой в отношениях с миром.

Именно из этой точки берет начало его «средневеково-меланхолическое» отношение к взрослым женщинам, и бегство от физической близости в любовной жизни. Такое бегство не помогает налаживанию близости духовной, если речь идет о жене.

Последний, нынешний брак семидесятилетнего писателя с совсем юной девушкой-меланхоличкой, брак уже никоим образом не предполагающий соединения супругов для продолжения рода, оказался удачнее прежних.

Ну, понятно, что юная Колин решила жить с великим писателем, чтобы стать ему няней, сиделкой и другом.

Встретил ли он в ее лице, наконец, того самого «земляка», о котором мечтал всю жизнь?

Когда-нибудь мы об этом узнаем. Сэлинджер, сидя в своей «башне из слоновой кости», все эти годы что-то пишет.

Пишет какое-то бесконечное Послание к людям.

Пытается с ними объясниться, и что-то им объяснить.

И ему все время кажется, что он написал не так, не то.

Что его опять не поймут.

История Сэлинджера похожа на древнегреческий миф о царя Сизифе, который вкатывает камень на вершину горы. И всякий раз камень скатывается вниз.

Но царь Сизиф был наказан за гордыню.

А за что наказан честно воевавший штаб-сержант Джером Ди. Сэлинджер? Непонятно...

Остается надеяться, что он все-таки счастлив там, в своем лесу, с молоденькой медсестрой.

Сэлинджер по-прежнему – один из моих любимых писателей.

Хотя я давным-давно догадалась, что все, написанное им – это бесконечные «записки сумасшедшего». Прекрасного сумасшедшего. Наверное, в российской традиции правильнее назвать такого человека юродивым.

Американский юродивый, бывший храбрый сержант, живет в лесу с рыжеволосой сестрой милосердия, девушкой Ко-

лин, пишет свое загадочное Послание и, наверное, готовится к встрече с самым главным Земляком...

Юлия Беломлинская

«Ради толстой тети».

Духовные поиски Дж. Д.

Сэлинджера (*Борис Фаликов*)

Джером Дэвид Сэлинджер не воспринимается нынешней американской молодежью как писатель. И вовсе не потому, что в последний раз публиковался в 1974 году: его единственный роман «Над пропастью во ржи» продолжает ежегодно расходиться тиражом в 250 тысяч экземпляров. Просто у него другой статус – не писателя, но гуру. Отказ от публикаций – это, конечно, маунврат (индусский обет молчания), а одинокая жизнь в нью-гэмпширской глуши – отшельничество.

Мой американский студент рассказывал, как отправился к Сэлинджеру, чтобы спросить у него, как жить дальше; просидел в кустах возле дома в Корнише всю ночь, а поутру застеснялся и убрался восвояси. Бывает и по-другому. Я прочитал недавно в одном блоге, как некий Стив постучался к отшельнику в избушку и завел с ним проникновенный разговор о смысле жизни. То, что это розыгрыш, стало ясно задолго до того, как Стив начал расспрашивать, какую мочу предпочитает пить уважаемый мудрец. Дело в том, что дочь Сэлинджера Маргарет в своих скандальных мемуарах рассказала об увлечении отца уринотерапией (у индусов в Аюрведе

это называется амароли). Она много еще о чем там порассказала. В наше смутное время гуру для одних может запросто стать объектом насмешки для других, включая собственную дочь. Впрочем, Сэлинджер после выхода дочкиных признаний мог утешиться Бхагавадгитой:

С воцарением беззаконья развращаются женщины рода;
когда женщины рода растлились,
наступает всех варн смешенье.

Варн смешенье приводит к аду...¹

А значит, и верно, наступают последние времена, и он вовремя скрылся из гибнущего мира.

¹ Бхагавадгита, глава 1, шлоки 41-42. Пер. В. С. Семенцова. – М.: Наука, 1985. Варны – четыре основных сословия древнеиндийского общества: жрецы, воины, земледельцы, слуги.

Буддист из «Монреаль канадиенс»

Полукровка Сэлинджер (отец – еврей, мать – ирландка) не получил традиционного еврейского образования, и, хотя он прошел обряд бар-мицвы, католический мистицизм привлекал его куда больше. Затем добавился буддизм, первые представления о котором он, вероятно, почерпнул из трудов Реджинальда Блайса². Не исключено, что утки, чья судьба так волнует Холдена Колфилда – героя «Над пропастью во ржи», – «прилетели» в роман из сборника дзэнских коанов «Мумонкан» в переводе Блайса³. Буддийский наставник Басо дает в одном из них весьма болезненный урок монаху Хякудзэ, который не сумел ответить на вопрос о том, куда летят дикие утки. Мастер так сильно дернул ученика за нос, что у того брызнули слезы.

Для послевоенной Америки увлечение буддизмом не было чем-то исключительным. В 50-е он даже вошел в моду среди писателей-битников, которые считали, что настоящего просветления можно достичь, выпив галлон дешевого калифорнийского вина и разогнавшись на машине до сотни миль в час. Сэлинджер был в этом пионером и подходил к делу се-

² Реджинальд Блайс (1898-1964) – английский японист, переводчик.

³ Lawrence Bowden. The Ducks in Central Park, or Why You Can't Teach The Catcher in the Rye // Americana. The Journal of American Popular Culture. Oct. 2002.

рьезнее, недаром его герой Бадди называл битников «дервишами-бродяжками, якобы помешанными на дхарме» и даже «дзэноубийцами». Но, как впоследствии Джек Керуак или Аллен Гинзберг, он исключал из своего буддизма моральные предписания – панча-шила. Друзья вспоминают, что больше всего он любил рекомендовать буддийские книжки многочисленным подружкам. Но рьяным буддистом представал далеко не перед всеми. Например, одна девица была твердо убеждена, что имеет дело с вратарем «Монреаль канадиенс»⁴.

В отличие от битников Сэлинджер прошел войну, которую закончил сержантом контрразведки. Он первым попал в фашистские концлагеря и насмотрелся такого, что хватило на всю будущую жизнь. «Меня преследует запах горячей плоти», – жаловался он через много лет дочери. Для раннего молодого человека это было слишком. Его буддизм – реакция на безмерность человеческих страданий. Ведь и сам Будда Шакьямуни примерно в таком же возрасте осознал, что все есть дукха – страдание, – и стал на путь просветления.

Незадолго до войны Сэлинджер начал учиться писательскому мастерству на вечерних курсах Колумбийского университета и дебютировал в журнале «Стори». В конце 1941 года его «Маленький бунт неподалеку от Мэдисон-авеню» был даже принят разборчивым «Нью-Йоркером», но тут

⁴ Times. 1961. Sep.15.

японцы разбомбили Перл-Харбор, началась война, и рассказ увидел свет лишь после ее окончания. Сэлинджер продолжал писать и на фронте и даже печатался в развлекательных журналах «Кольерс» и «Сатердей ивнинг пост». Однако настоящий прорыв случился в 1948 году, когда «Нью-Йоркер» не только принял его рассказ «Хорошо ловится рыба-бананка», но и заключил с двадцатидевятилетним писателем контракт. Рассказ оказался первым из историй о семье Глассов: маменька и папенька – отставные водевильные актеры (он еврей, она ирландка!), отпрыски – все как на подбор вундеркинды и участники радио-шоу «Умный ребенок». Об этих семерых – Симоре, Бадди, Бу-Бу, Уолте, Уэйкере, Зуи и Фрэнни – писатель и опубликовал потом семь рассказов.

«Бананка» повествует о старшем, Симоре, а точнее, о его самоубийстве. Сэлинджер наделил его своей собственной ранимой душой и психической травмой, полученной на войне, но обретаемую им самим восточную мудрость передал Симору в более поздних рассказах, где тот именуется не иначе как дживанмукта – индусским святым, достигшим спасения при жизни. (В рассказе содержится лишь один намек на интеллектуальные пристрастия героя – это Рильке, правда, не названный по имени.) Отсюда парадокс: чтение буддийских текстов, возможно, помогло писателю восстановить душевное равновесие, и вместо него погиб его герой. Но то, что впоследствии этот герой предстал перед нами в облике мудреца, делает его самоубийство странным.

Жертва культов

Нанести на карту маршрут духовной одиссеи Сэлинджера очень непросто. Сам писатель практически ничего не говорит об этом; впрочем, он хранит молчание и по поводу других сторон своей жизни. Неутомимый Ларри Кинг⁵ как-то признался, что интервью с Сэлинджером – мечта его жизни, но он вполне отдает себе отчет в том, что мечта эта неисполнима. Британец Иэн Гамильтон затеял сочинять первую подробную биографию писателя и натолкнулся на решительное нежелание своего героя делиться сведениями о себе. Тот не сдавался и счастливо обнаружил в библиотеках Принстонского и Техасского университетов письма Сэлинджера, оказавшиеся там после смерти адресатов, – добыча, которой можно позавидовать. Но писатель подал на биографа в суд за нарушение авторского права на письма – и выиграл процесс. Бедный Гамильтон дважды переписывал книгу и смог изложить полученную информацию только в очень приблизительном виде, так как цитировать письма ему запретили⁶.

Все эти перипетии отпугнули других потенциальных биографов; с тех пор появилось всего лишь одно объемное жизнеописание корнишского затворника, вышедшее из-под пе-

⁵ Ларри Кинг (р. 1933) – популярный телеведущий, руководитель программы «Телеинтервью в эфире с Ларри Кингом».

⁶ Ian Hamilton. In Search of J. D. Salinger. – New York: Random House, 1988.

ра Пола Александера⁷. Правда, в 1999 и 2000 годах почти синхронно выпустили книги о Сэлинджере две женщины – бывшая любовница писателя Джойс Мейнард и его дочь Маргарет⁸. Любовница о религиозных поисках Сэлинджера не особенно распространяется: видимо, он с нею не слишком делился. А вот дочь высказывается на эту тему охотно, опираясь на собственные детские воспоминания и на позднейшие разговоры с матерью. Именно от нее мы узнаем, что в начале 50-х к католической мистике и дзэн-буддизму у писателя прибавился индуизм, вначале адвайта-веданта в версии Шри Рамакришны (1836-1886) и его ученика свами Вивекананды (1863-1902), а затем крийя-йога Парамахансы Йогананды (1893-1952)⁹. За ними последовали «христианская наука», дианетика и сайентология Рона Л. Хаббарда (1911-1986), оккультизм Эдгара Кейси (1877-1945), потом акупунктура, макробиотическая диета и злосчастная урино-терапия¹⁰.

⁷ Paul Alexander. Salinger: A Biography. – Los Angeles: Renaissance, 1999.

⁸ Joyce Maynard. AtHomeintheWorld. – NewYork: Picador, 1998; SalingerMargaret. DreamCatcher: AMemoir. – NewYork: WashingtonSquarePress, 2000. Русский перевод: Маргарет А. Сэлинджер. Над пропастью во сне: мой отец Дж. Д. Сэлинджер. – М.-СПб.: Лимбус-Пресс, 2006; см. также статью Александры Борисенко. О Сэлинджере, «с любовью и всякой мерзостью» («ИЛ», 2008, № 10).

⁹ Адвайта-веданта – индийское учение о недвойственности бытия, развитое философом Шанкарой (788-820); крийя-йога – букв. йога действия.

¹⁰ Маргарет А. Сэлинджер. Над пропастью во сне: мой отец Дж. Д. Сэлинджер. С. 132-134

Маргарет подкрепляет свои и материнские воспоминания налоговыми декларациями отца, где черным по белому записаны пожертвования различным религиозным организациям. Перед нами встает мятущаяся душа, которая отчаянно ищет все новые и новые способы спасения. Дочь рисует отца добровольной жертвой различных новомодных культов, опираясь при этом на методы так называемых антикультистов, профессиональных борцов с подобными организациями. Мелькают имена теоретиков этого направления: Роберта Лифтона, Льюиса Уэста, Маргарет Сингер. Дочь Сэлинджера полностью разделяет их пафос: культы промывают своим жертвам мозги, подчиняют их себе и выкачивают из них немалые деньги. И утверждает: ее мучает даже не то, что эти деньги могли быть с пользой потрачены на ее счастливое детство; скорее, дочери кажется, что отец понапрасну тратил свои духовные силы на религиозные бредни, а не на истинное призвание – писательство. И это привело к творческому кризису, а затем и вовсе к выпадению из литературного процесса.

Что ж, такой взгляд готовы разделить многие. Но по мере чтения мемуаров крепнет подозрение, что дочь не столько сочувствует бедному отцу, сколько обвиняет его в том, что он сам, подобно боготворимым им обманщикам, промыл мозги дочери, то есть выступил по отношению к ней в роли авторитарного гуру. И всю жизнь ей пришлось преодолевать последствия этого надругательства над ее сознанием.

Надо признать, что жизнь у нее и правда сложилась нелепо. Подобно многим своим сверстникам из поколения «детей-цветов», она вела разгульную жизнь, употребляла наркотики, но все же сумела получить хорошее образование. Однако карьера Маргарет не задалась, у нее развились тяжелые психосоматические заболевания, так что возникла естественная потребность найти виновных в собственных неудачах. Лучше других на эту роль подошел знаменитый отец, который тратил свои деньги и любовь на экзотических индусов, а не на родную дочь. Более того, наградил ее совершенно неверными взглядами, которые и привели к жизненному краху.

Мемуары кончаются на оптимистической ноте: Маргарет заводит сына и обещает воспитывать его совсем не так, как ее воспитывал горе-отец. Ей удалось вырваться из плена иллюзий, и она никогда не позволит своему ребенку попасть в него. Собственно, ее мемуары и есть родительское напутствие. Недаром их английское название «DreamCatcher» – «Ловушка для снов» – обозначает магическое приспособление американских индейцев, которое вешают над спящим, чтобы охранять его от дурных снов¹¹.

¹¹ Английское название мемуаров – игра слов: название повести Сэлинджера «Над пропастью во ржи» в оригинале звучит как «Ловец во ржи» – «The Catcher in the Rye». Сочетания же «ловец снов» и «ловушка для снов» по-английски звучат одинаково. О «ловушке для снов» см.: «ИЛ», 2008, № 11, материал «Сказки и тайны леса». (Прим. ред.)

Жребий домохозяина

Понятно, что такая интерпретация религиозных поисков Сэлинджера не способствует их объективному истолкованию. к этому добавляются и фактические ошибки. Маргарет утверждает, что отец в переписке с ее будущей матерью в конце 1950-го – начале 1951 года рассказывает о том, что познакомился со знаменитым популяризатором дзэн-буддизма в США Д. Т. Судзуки и стал медитировать с ним в буддийском центре в парке «Тысяча островов»¹². Судзуки действительно переехал в Нью-Йорк с западного побережья в 1951 году и начал читать лекции в экуменической миротворческой организации при фонде Карнеги – «Союз церковного мира». Его приглашали в гости и нью-йоркские интеллектуалы, интересующиеся Востоком¹³. На одной из этих встреч Сэлинджер и впрямь мог с ним познакомиться, но вот медитировать вряд ли, потому что Судзуки ограничивался просветительской деятельностью, а уж в парке «Тысяча островов» не мог оказаться вовсе, никакого буддийского центра там отродясь не было. Вот летний лагерь Нью-Йоркского центра Рамакришны-Вивекананды там действительно находился, и Сэлинджер вполне мог там побывать, но только не в 1951 го-

¹² Маргарет А. Сэлинджер. Над пропастью во сне. С. 23.

¹³ Rick Fields. How the Swans Came to the Lake. A Narrative History of Buddhism in America. – Boulder: Shambala, 1981. P. 196.

ду, а позже. Его увлечение индуизмом началось в 1952 году, когда он прочел «Евангелие Рамакришны» и написал друзьям, что потрясен жизнью и учением этого удивительного человека¹⁴. У тогдашнего главы центра свами Нихилананды (1895-1973) он действительно учился медитировать и сохранил почтение к наставнику до самой смерти того. Он подарил свами издание «Фрэнни и Зуи» с трогательной надписью, где были и такие смиренные слова: «Я смог распространять идеи веданты лишь через эти истории»¹⁵.

Несмотря на очевидные ошибки, какие-то детали религиозной жизни Сэлинджера и его супруги Клэр из мемуаров их дочери извлечь можно. Например, становится ясно, что если дзэн был для писателя скорее интеллектуальной забавой, то индуизм изменил все его мировоззрение. Занятия йогой влияют на всего человека – его ум, волю, тело. Если прежде Сэлинджер раздавал своим подружкам списки буддийской литературы, то индуизм подвиг его и к моральной дисциплине. По слухам, он даже полностью хотел посвятить себя ему, приняв монашеское отречение – саньясу. В 50-е годы для этого уже не надо было ехать в Индию: индусским монахом можно было стать и в США.

¹⁴ Hamilton. P. 127.

¹⁵ Из лекции д-ра Сумитры Менона, посвященной влиянию индуизма на Сэлинджера, прочитанной в Храме веданты в Санта-Барбаре 24 февраля 1991 года.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.